

## ПОЛИТИКО-ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО США: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

© 2010 г. А.А. Тарелин\*

*Институт США и Канады Российской академии наук, Москва*

*Статья посвящена генезису внешнеполитического сообщества США и классификации его основных групп. Автор рассматривает либерально-идеалистические и консервативно-реалистские течения как основные составляющие американского истеблишмента.*

**Ключевые слова:** *внешнеполитическое сообщество США, идеализм, реализм, классификация внешнеполитических групп, российско-американские отношения, политика США.*

### **U.S. Community of Political Experts**

**A.A. Tarelin**

*Institute of USA and Canada Studies RAS, Moscow*

*The article is devoted to genesis of U.S. foreign policy community and classification of principal groups inside it. The author considers liberal idealistic and conservative realistic trends as the main forms of American establishment.*

**Key words:** *U.S. foreign policy community, idealism, realism, classification of foreign policy groups, Russian-American relations, U.S. policy.*

С момента обретения независимости от британской короны дипломатия Соединённых Штатов складывалась с учётом ряда особенностей, предопределивших её непохожесть на внешнеполитическую деятельность других государств. Так, США, безусловно, выделялись своим уникальным историко-политическим опытом, торжеством и приматом либеральных ценностей, оказавших решающее влияние на выработку характерного американского менталитета. Эта страна стала первым в мировой истории государством, поставившим перед собой задачу построить свою внешнюю политику на основе определённого набора либеральных ценностей. Американские лидеры видели свою цель в распространении принципов, которые в дальнейшем позволили США стать независимыми и играть первостепенную роль в мире. Этим определялось присутствие мессианского, идеалистического начала в американской внешней политике.

Ещё одним аспектом, подчёркивавшим непохожесть Соединённых Штатов на другие государства, стала их уникальная география. С начала своей государственности страна получила в своё распоряжение богатую и мало кем востребованную территорию для естественной экспансии, которую американцы смогли достаточно быстро осуществить, на протяжении XIX века, легко достигнув главной мечты большинства государств Евразии – контроля над «есте-

---

\* ТАРЕЛИН Андрей Андреевич – соискатель ИСКРАН. E-mail: tarelin@mail.ru.

ственными границами». Растянувшись от «моря до сверкающего моря», США автоматически стали ключевой региональной державой, оказывающей влияние на судьбы целого полушария. Такая география привнесла геополитический, имперский элемент во внешнюю политику: стране невольно пришлось воспринять (и практиковать) принципы «реальной политики» (*Realpolitik*), следить за балансом сил на международной арене; иными словами – соизмерять свои внешнеполитические действия с системой тезисов, ставшей впоследствии известной как школа реализма. По мере роста своего влияния в мире в геометрической прогрессии, США постепенно стали заменять Британскую империю в её роли защитницы континентального баланса сил в Европе и в глобальном масштабе. Таким образом, наряду с рождёнными молодым государством идеями идеалистического, чёрно-белого подхода к миру, были восприняты и стали успешно использоваться традиционные идеи реализма – тезисы о хаотичной природе системы международных отношений, необходимости полагаться на собственные силы, в том числе военные, и вере в уже упомянутый баланс сил. Так, начиная с XIX века, когда двуединая природа американской внешней политики впервые отчётливо проявилась, реализм и идеализм стали неотъемлемыми спутниками внешнеполитической деятельности США.

Оба мировоззрения постоянно взаимодействовали во внешней политике Соединённых Штатов, периодически тесня друг друга и создавая новые формы внешнеполитического *modus operandi*. От того, в какой пропорции смешивались эти два ингредиента, зависели конкретные оценки действий американской дипломатии при разных администрациях.

Исторически внешнеполитическая элита США представляла собой гомогенную, достаточно закрытую группу, напоминающую сложный, но всё же единый механизм. Её пополняли, как правило, выходцы из одного социального слоя. Кроме того, при значительном разнообразии течений и интересов внутри американского внешнеполитического истеблишмента, с конца 1940-х годов разных его представителей объединяла одна общая задача – не допустить расширения влияния враждебного социалистического блока во главе с Советским Союзом. Первым серьёзным ударом по монолитности внешнеполитического сообщества США стала война во Вьетнаме, не только послужившая причиной острых разногласий среди экспертов-международников и политиков, но расколовшая американское общество в целом.

Окончательное дробление внешнеполитического истеблишмента произошло после завершения «холодной войны». Мир вдруг стал слишком сложным, неоднозначным, и традиционная система мировоззрений – простое и удобное когда-то деление на реалистов и идеалистов – уже не работала. Творцы политики США почувствовали свободу не только ассоциировать себя с теми или иными целями и принципами во внешней политике, но также говорить о том, какими средствами они предлагают их добиваться.

Со временем значительному дроблению стали подвергаться обе внешнеполитические группы. Так, те, кого было принято называть «реалистами» в эпоху «холодной войны» оказались скорее прагматиками, имевшими далеко не одинаковые убеждения, но вынужденными считаться с действительностью в лице СССР (особенно когда занимали государственные посты) и учитывать то, что неосторожные политические шаги могут вызвать контрпродуктивную эскалацию как в различных регионах мира, так и в двусторонних отношениях между США и СССР.

Расслоение происходило постепенно: в начале 1990-х годов в Соединённых Штатах присутствовало относительное согласие по поводу того, что они должны оставаться единственным глобальным центром силы, способным гарантировать не только защиту своих интересов, но, главное, устойчивость и безопасность всей системы международных отношений. Споры разгорались, как отмечалось, скорее применительно к инструментам, которыми следует пользоваться при решении этой задачи.

По мнению реалистов, окончание «холодной войны» изменило политическую структуру мира, но не природу международных отношений. Основная особенность системы международных отношений как таковой – отсутствие центральной власти в мире. Каждое государство самостоятельно заботится о своей безопасности. Новый политический климат, по мнению многих реалистов, не привнёс стабильности в международные отношения, но привёл к возникновению новых вызовов и угроз. Прогноз реалистов заключался в том, что стабильная двуполярность модифицировалась в систему, где в перспективе становление и соперничество многих центров силы приведёт к хронической дестабилизации её в целом.

Такой вывод требовал и соответствующего поведения США на международной арене. Они в качестве сильнейшего государства должны были своими ресурсами и возможностями укреплять систему международных отношений, основанную на принципе их лидерства. В практическом плане это означало необходимость американского военного присутствия в ключевых регионах мира. Вместе с тем, классическая мечта реалистов – США в качестве глобального шерифа и гаранта всемирного баланса сил – ставила перед политиками задачу предупредить образование и укрепление державы, которая могла бы претендовать на гегемонию в одном отдельно взятом крупном регионе мира. Идея стабильности также предполагала, что Соединённым Штатам не стоит разрушать сложившийся статус-кво в относительно спокойных региональных подсистемах, в том числе военными средствами. Именно поэтому реалисты были в числе самых последовательных и жестких противников военной операции США в Ираке – предприятия, задуманного скорее с позиций эмоционального идеализма и завышенных оценок американской мощи, чем на основе трезвого расчёта и идей международной стабильности. Этот факт особо акцентируется в недавно вышедшей книге президента Совета по международным отношениям Р. Хаасса «Война по необходимости, война по выбору». Её автор подчёркивает, что первая иракская война была классической войной по необходимости, так как к проведению военной операции США тогда подтолкнули внешние действия других государств, а конкретно – оккупация Ираком Кувейта, что, по мнению задававших тон в администрации реалистов, могло привести к разрушению баланса сил в регионе. «Вторая иракская война является отражением подхода внешнеполитического, одновременно и более сложного и более амбициозного. В соответствии с ним, главная цель того, что США делают на международной арене, – повлиять на саму природу других государств и их внутреннюю политику по причинам как морально-идеологическим, так и практическим, поскольку считается, что зрелые демократии воспитывают более разумных и мирных граждан» [6].

После окончания «холодной войны» идеалистам также пришлось переосмыслить место США в обновлённом мире и пути дальнейшего развития внешней политики. Как отмечает политолог Д. Кэллахан[4], американская школа идеализма всегда была мощной силой внешнеполитического истеблишмента,

но «оказываться у руля» её представителям выпадало не часто. В XX веке из американских президентов идеалистом в классическом понимании был, пожалуй, только Вудро Вильсон. Начало «холодной войны» ознаменовало собой противостояние двух блоков в стиле «реальной политики». Безусловно, важнейшей составляющей в этом случае было противоборство идей и здесь либерально-идеалистическая идеология сослужила США хорошую службу. Вместе с тем, при практическом ведении дел к инструментарию идеалистической школы политики прибегали весьма редко. Как уже отмечалось, честная гонка за демократическими ценностями была непозволительной роскошью для большинства политиков, определявших внешний курс страны в годы «холодной войны». Водоразделом здесь стал Вьетнам: после неудачной войны американская внешнеполитическая элита поняла, что даже «потеря» отдельно взятой страны не обязательно приводит к «эффекту домино» во всём регионе. Так у любителей идеалистического подхода стало ещё одним аргументом меньше.

Прорваться к власти сторонникам либерально-идеалистического подхода удалось во второй раз в годы президентства Дж. Картера, внешнеполитические неудачи которого (иранский кризис, кризис разрядки с СССР) надолго дискредитировали либеральное крыло американского внешнеполитического истеблишмента.

Либеральные теории американского лидерства после устранения угрозы войны с СССР переживают новый расцвет. Как отмечалось выше, идея о необходимости и неизбежности американской гегемонии стала единым ориентиром для представителей большинства политических школ. Российский политолог Т.А. Шаклеина[3] пишет, что исследователи вопроса по-разному предлагали претворять в жизнь гегемонистскую стратегию. Значительное распространение получили либерально-идеалистические идеи. Т.А. Шаклеина выделяет **три концепции гегемонии** и по их признакам классифицирует политико-академическое сообщество 90-х годов XX века.

К числу сторонников **жёсткой гегемонии** она относит большую часть неоконсерваторов (Дж. Муравчика, Р. Кейгана, И. Кристола) и ряд реалистов. Безусловно соглашаясь с таким делением, необходимо отметить, что реалисты (такие как Г. Киссинджер) занимали более умеренные позиции, ведь жёсткая гегемония противоречила постулату реалистской школы о несбалансированности системы международных отношений с единственной державой во главе.

**Либерально-консервативная концепция** стала научной базой для официальной политики Вашингтона в годы администрации Клинтона. Сторонники этой идеологии «используют категории односторонность vs. многосторонность (коллективизм) в международных отношениях для обеспечения стабильности и безопасности как самих США, так и мировой системы в целом. Приглушён пафос американской гегемонии, усилен фактор взаимодействия США с другими странами (при том, что суть устремлений и амбиций сверхдержавы остаются неизменными), делается акцент на открытости и либеральности политики лидера»[3]. Либерально-консервативные идеи легли в основу Стратегии вовлечения и расширения, известной также как «доктрина Клинтона». Значительное влияние на её разработку оказали такие яркие представители либерально-консервативного течения американской внешнеполитической мысли, как З. Бжезинский, Э. Лейк и М. Олбрайт.

**Третья концепция – либерально-реалистическая**, её сторонниками на протяжении 1990-х годов были в основном умеренные либералы и часть реалистов во главе с Киссинджером. Как отмечает Т.А. Шаклеина, особой критике

со стороны защитников «либерального реализма» подвергалась концепция однополярного мира. Указывалось, среди прочего, что «факт уникального положения США как единственной сверхдержавы, не рассматривается в качестве показателя однополярности мира». Либерал-реалисты подчёркивали важность «баланса между несколькими полюсами силы – ведущими мировыми державами, среди которых США действительно занимают особое место»[3].

Выше уже говорилось, что несмотря на определённую разницу в акцентах, идея о необходимости американского лидерства разделялась большинством политологов и в своей мягкой форме оставалась официальной доктриной американской внешней политики. Удивительно единодушным было и их отношение к России. Преобладающей, где-то даже модной в политико-академических кругах, была точка зрения, что Российская Федерация – молодая борющаяся демократия, которая стремится преодолеть тяжёлое авторитарное наследие и разруху начала 1990-х годов. Также следует отметить, что интерес американских политологов к России как участнице системы международных отношений с начала 1990-х годов стал угасать. В целом, вялая и непоследовательная внешняя политика российского руководства привела к тому, что у представителей внешнеполитического истеблишмента США сложилось мнение (незыблемое до недавнего времени), что Россия проглотит любые внешнеполитические решения США. А потому тратить время на отшлифовку подходов к ней можно, но необязательно (первый подход).

Такая точка зрения преобладала, но вместе с тем можно выделить ещё два подхода, число последователей которых было на порядок меньше. Представители первого из них провозгласили, что Россия – это маленький Советский Союз и в целом заслуживает такой же участи. Подразумевалось, что новое российское государство в будущем вновь будет проявлять признаки агрессивного империализма во внешней политике и авторитаризма – во внутренней, и в связи с этим задача США самыми жёсткими методами способствовать дальнейшей демократизации России, даже путём её ослабления и дальнейшего дробления. Такая точка зрения красной нитью проходит через труды З. Бжезинского и ряда его последователей. Второй подход объединял сторонников избирательного сотрудничества с Россией, её вовлечения в западные международные структуры (в основном среди идеологов такого подхода можно назвать либеральных интернационалистов из администрации Клинтона и мягких реалистов-киссинджеровцев вроде Т. Грэма, Д. Саймса и ряда других). В практическом плане США проводили политику, составленную из комбинации первого подхода (вежливое игнорирование) и третьего (избирательное сотрудничество и вовлечение).

Постепенно, однако, отношение к России перестаёт быть таким единодушным, да и общая тональность меняется с доброжелательной на негативную. Одним из первых событий, повлиявших на отношение американцев к нашей стране в целом и специалистов по России в частности, стал августовский дефолт 1998 г. Многие учёные-русисты вдруг поняли, что процессы, происходящие у нас, крайне противоречивы, что либеральный курс может провалиться в силу своей несостоятельности. На газетные полосы американских газет стал выплёскиваться негатив и скептицизм в отношении России как будущего полноправного члена демократического содружества наций.

Начинающееся охлаждение между обеими странами усугубило споры по поводу расширения НАТО и косовской войны 1999 г. Так было положено на-

чало весьма неоднозначному взгляду на Россию, характерному для внешнеполитического истеблишмента США в первое десятилетие XXI века.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что отношение США к России определялось не только динамикой двусторонних отношений. Значительная часть политологического сообщества перестала видеть однополярный мир как единственный сценарий развития системы международных отношений. После 11 сентября 2001 г. стало очевидным: есть вызовы, с которыми даже США не могут справиться в одиночку. Дробление внешнеполитического истеблишмента усилилось, среди прочего, в связи с неожиданным появлением третьей силы – неоконсерваторов.

### **Примерная классификация внешнеполитических подходов в США на нынешнем этапе**

Предлагаемая ниже классификация по группам внешнеполитического истеблишмента не окончательная. Она проводилась с учётом реальной представленности групп в политической жизни, а не на основе классической теории международных отношений. Поэтому деятельность чисто научных школ (функционализма, социального конструктивизма и т.д.) автор не рассматривает.

Реализм и идеализм традиционно имели наибольшее число последователей в Республиканской и Демократической партиях. Реалисты исторически были одной из групп внутри огромного и мощного консервативного лагеря американских политиков и политологов, при этом одной из самых активных и подготовленных в вопросах теории международных отношений. Один из авторов «Русского журнала» Б. Межуев считает, что к стану консерваторов относятся также неоконсерваторы; палеоконсерваторы (или консерваторы-изоляционисты); консерваторы-либертариисты; «новые» или «религиозные» правые[1]. Для цели настоящей работы остановимся более подробно на группах неоконсерваторов и реалистов с их сформировавшимися школами внешнеполитической мысли. Это наиболее влиятельные и многочисленные представители консервативного движения. Остальные консервативные течения проявляют свою индивидуальность во внутривнутриполитическом процессе. Каждая из групп может добавлять в свою публичную риторику центральную для себя внешнеполитическую тему. Так, палеоконсерваторы выступают за контроль над иммиграционной политикой, либертариисты, напротив, за максимально допустимое ограничение такого контроля.

Начнём с неоконсерватизма – мировоззрения, ставшего основным источником официальной политики Дж. Буша после терактов 2001 г. Как особое направление американской внешнеполитической мысли, неоконсерватизм складывался в 1970-е годы, однако вплоть до трагических событий его влияние было незначительным. Первыми неоконсерваторами были представители либерального течения, разочаровавшиеся в традиционном либерализме и перешедшие в лагерь правых.

Идеология неоконсерватизма базируется на таких постулатах, как защита демократических свобод и прав человека при том понимании, что их соблюдение следует считать не внутренним делом государства, а его обязанностью перед своими гражданами и международным сообществом. Неоконсерваторы считают, что США должны использовать свою мощь для достижения высокоморальных целей на мировой арене; они не верят в способность интернациональных организаций и международного права решать серьёзные проблемы безопасности.

Атака террористов неожиданно вывела неоконсерваторов в мейнстрим американской политики. Очевидно, что ни один из традиционных внешнеполитических векторов не казался администрации адекватным ответом на террористический вызов. Либеральные концепции были слишком мягкими, а реализму недоставало ценностного подхода против нового глобального врага. Неоконсервативная идеология наиболее близко передавала дух крестового похода против террора, царивший тогда в американском обществе. Неоконсерваторы стали мозговым центром администрации, они смогли изолировать своих идеологических противников внутри Республиканской партии. Чудовищные события потребовали новой формулы взаимоотношений с внешним миром, и администрация Буша сделала ставку на эту группу. Белый дом стал проводить жёсткую политику в отношении инакомыслящих стран.

Неоконсервативная линия, неожиданно для многих ставшая официальной, вызвала отчуждение у большей части политологов. Причём, по всеобщему признанию, вектор отношений с Россией стал одним из наиболее провальных. Неоконсерваторы, более всего преуспевшие в идейном оформлении концепции американской гегемонии, охарактеризовали положение в мире после начала международной антитеррористической операции как «гипероднопольярность». Они поставили себе целью распространять американскую модель демократии в мире.

Американские эксперты отмечают, что неоконсервативная революция до неузнаваемости изменила облик консервативного движения в целом, сбив с толку многих его представителей и дискредитировав консерваторов в целом. По основным своим положениям неоконсерватизм весьма близок к либеральному интервенционизму, отличительные особенности которого будут рассмотрены ниже. В целом, неоконсерватизм – это аномалия в политической системе США, поскольку он представляет собой течение, созданное на стыке консервативных и либеральных идей. Для неоконсерваторов в равной степени характерно упоминание в своей риторике как «либеральных ценностей», так и «национальных интресов». Например, политолог Р. Каган отмечал, что наступление российских властей на «демократию внутри России» угрожает американским интересам. При этом общий посыл неоконсерватизма – ставка на военную силу, попытка представить американские политические традиции в качестве абсолютной истины, позволяет идентифицировать его с консервативным крылом внешнеполитического сообщества США.

Моральное поражение неоконсерваторов дало шанс вернуться к активному политтворчеству, к более традиционным течениям американского политистеблишмента – в частности к реализму. Следует заметить, что если в начале 1990-х годов реалисты считались безусловными сторонниками силовых подходов, то уже в следующем десятилетии большинство из них заговорило о необходимости чаще прибегать к дипломатическим методам воздействия на международные процессы, в том числе на необходимость вести диалог с враждебными режимами. Реалисты продолжают подчёркивать, что военная сила остаётся основной гарантией американской безопасности, вместе с тем они указывают на топорность силового метода и слабо предсказуемые последствия его применения.

В настоящее время реалисты – наиболее компактная и чётко обозначенная группа американского истеблишмента. В администрации Обамы их немного. Среди явных реалистов можно выделить советника по национальной безопасности генерала Дж. Джонса и министра обороны Р. Гейтса.

Окончание «холодной войны» заметно смягчило отношение реалистов к России – по их мнению, она больше не претендует на роль глобального лидера, что было характерно для СССР. Именно реалисты стали основными авторами уже упомянутого принципа «избирательного сотрудничества» с Москвой. Как отмечает Т. Грэм в своём докладе «США – Россия. Рассматривая реальность прагматично», у той и другой страны не так уж много общих интересов, однако много общих вызовов и угроз. К ним политолог относит взаимную ответственность за судьбу процесса ядерного разоружения и нераспространения; проблемы энергетики; вопросы стабилизации мировой экономики и региональные темы. Ключевая задача российского и американского руководства, говорится в докладе Грэма, состоит в восстановлении взаимного доверия и повышении эффективности имеющихся каналов сотрудничества. В типично нео-реалистской манере политолог подчёркивает, что, хотя взаимные интересы по-прежнему составляют стержень международных отношений, ценностной подход также остаётся их неизменным фактором. Именно чрезмерная идеологизированность и разные ценности служат основным раздражителем российско-американских отношений[5].

Таким образом, можно констатировать, что реалисты, по большому счёту, стали чуть ли не основными сторонниками придания российско-американским отношениям позитивной динамики. В пользу этого свидетельствует, например, создание и деятельность Комиссии по политике США в отношении России под председательством сенаторов Ч. Хейгла и Г. Харта. В состав комиссии, созданной при участии Никсоновского центра и Белферского центра научных исследований и международных отношений, вошли бывшие послы США в Москве Дж. Мэтлок, Т. Пикеринг и Дж. Коллинз, помощник Дж. Буша-ст. по национальной безопасности Б. Скаукрофт, бывший сенатор С. Нанн, политологи Ли Хэмилтон, Д. Саймс и Т. Грэм.

Г. Харт в соавторстве с Д. Саймсом опубликовал статью в журнале «Нэшнл интерес», где одним из первых озвучивает мысль о том, что США слишком часто относились к России с предубеждением: «В Соединённых Штатах кое-кто заранее исключает возможность сотрудничества с Россией, потому что она недостаточно быстро становится полноправной капиталистической демократией по американской модели, власть закона там укореняется слишком медленно, Москва не выполняет свои обязательства по соблюдению прав человека, выборы фальсифицируются, средства массовой информации затыкают рот, сделки в экономике носят непрозрачный характер и т.д. Но возникает вопрос: достаточно ли весомы эти аргументы, чтобы оправдывать ими сопротивление более тесному взаимодействию США и России в важнейших вопросах, представляющих взаимный интерес? Есть и ещё более сложный вопрос: а нет ли внутри американского внешнеполитического сообщества некоего врождённого, внутренне присущего ему стремления сопротивляться улучшению отношений с Россией? Не предъявляем ли мы России более высокие требования, чем другим странам, с которыми поддерживаем отношения?»[7]

Г. Харт и Д. Саймс также отмечают, что если исходить из национальных интересов, то у двух стран нет глобальных разногласий: «Трезвая оценка коренных интересов США и России говорит о том, что между этими странами нет серьёзных противоречий ни в одной области. Практически полностью отсутствует угроза нападения одной стороны на другую, а также на членов их официальных альянсов. Ни у одной из сторон нет ни желания, ни потребности в сохранении тех огромных ядерных арсеналов, которые они создали в противовес друг другу. Ни



той, ни другой стороне не нужны Иран и Северная Корея с ядерным оружием на руках или оснащённые таким оружием террористы. Москва, как и Вашингтон, хочет воспрепятствовать возвращению к власти в Афганистане талибов, а также расценивает "Аль-Каиду" как враждебную террористическую организацию. В отличие от Советского Союза, у сегодняшней России нет глобальной идеологии, превращающей соперничество с США в неизбежность»[7].

Таким образом, можно сделать вывод – реалисты исходят из того понимания, что интересам США отвечает наличие стабильного двустороннего диалога с Россией, не зависящего от конъюнктуры и включающего в себя ряд глобальных задач, решение которых объективно зависит от политической воли руководства двух стран (нераспространение и сокращение ядерного оружия, энергодиалог, контртерроризм, региональные вопросы и т.д.). Для этого реалисты рекомендовали нынешней администрации первой инициировать процесс новой оттепели, предприняв, среди прочего, ряд тактических шагов, начиная с отмены поправки Джексона – Вэника. Режим сосуществования с Москвой позволит Вашингтону сосредоточиться на таких угрозах американской безопасности, как терроризм, противодействие экономическому ослаблению страны, становление Китая в качестве враждебной Соединённым Штатам державы.

Реалисты и неоконсерваторы – традиционно противоборствующие группировки консервативного лагеря внешнеполитической элиты в США, причём вражда между ними подчас бывает более острой, чем разногласия тех и других с либералами-идеалистами.

**Либеральное направление** внешнеполитической мысли, когда-то относительно гомогенное из-за наличия советского фактора, сегодня оказалось раздробленным. Процесс измельчения либерального крыла шёл постепенно. Один из первых коренных переломов произошёл в связи с силовой политикой США на Балканах. Тогда либералы разделились на «ястребов» и «голубей». С определённой долей условности можно выделить некоторые течения либеральной внешнеполитической мысли в США.

**Либеральные ястребы, либеральные интервенционисты, или воинствующие либералы.** Группа специалистов, достаточно широко представленная в клинтонской администрации, по своим взглядам на систему международных отношений, наиболее близка к неоконсерваторам. Вместе с тем представители этого течения относятся к последним весьма негативно и критически оценивают период их пребывания в администрации. В отличие от неоконсерваторов, либерал-интервенционисты близки к Демократической партии. Наиболее яркие их представители – уже упоминавшаяся М. Олбрайт, Р. Холбрук, С. Сестанович. Влияние рассматриваемой группы на нынешнюю администрацию можно охарактеризовать как умеренное. Типичная либерал-интервенционистка Саманта Пауэр – одна из ближайших советниц Б. Обамы, была вынуждена покинуть избирательный штаб после критических высказываний в адрес Хилари Клинтон. Такой расклад сил связан с тем, что сам Б. Обама, судя по его внешнеполитическому портрету, не разделяет либерально-идеалистического рвения многих своих коллег по Демократической партии. Вместе с тем, если говорить о его российской политике, то жёстко-идеалистические нотки звучат достаточно часто, а при провале процесса «перезагрузки» они вполне вероятно могут стать основным содержанием подходов нынешней администрации к России.

Либеральные ястребы активно критикуют Россию в связи с якобы декларируемым ею отступлением от демократии и возвращением к имперской внешней политике. Они с удовольствием смакуют примеры агрессивности Рос-

сии, упоминая среди прочего её энергетическую политику, отношения с Грузией, Украиной и Венесуэлой. Большинство из них скептически относятся к перспективам «перезагрузки» российско-американских отношений, ставшей основным лейтмотивом двустороннего диалога в первой половине 2009 г. Вот как прокомментировал московскую встречу Б. Обамы и Д.А. Медведева член Совета по международным отношениям С. Сестанович: «Люди возлагают слишком большие надежды на “перезагрузку”. Мы произносим это так, будто в самом слове есть какие-то магические свойства или стратегическое содержание, но что происходит, когда вы перезагружаете компьютер? Содержание ведь от этого не меняется. Всё, чего вы добьётесь, – это удалите вирусы, если повезёт, и снова начнёте на нём работать»[10].

Наиболее высокопоставленный из либеральных ястребов – нынешний вице-президент США Дж. Байден. Именно ему отведена роль основного критика России с указанием на её внутривнутриполитические и внешнеполитические «ошибки». Следует заметить, что репутацию воинствующего либерала бывший глава сенатского комитета по международным отношениям приобрёл ещё в 1990-е годы, особенно в связи со своей активной вовлечённостью в обсуждение «балканского вопроса». Байден тогда указывал на необходимость осуществления «либеральной интервенции» под эгидой США. В 2005 г. он был одним из инициаторов резолюции Сената, в которой Россия критиковалась за невыполнение обязательств, данных в 1999 г. на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), к числу которых относится полный вывод российских войск из Молдовы.

**Либеральные интернационалисты.** Основные наследники традиционных идеалистов либерал-интернационалисты считают, что права человека и международное право есть основа системы международных отношений. Как и их непосредственные «родственники» либеральные интервенционисты, либерал-интернационалисты указывают на примат либеральных ценностей в качестве основного условия жизнеспособности данной системы. Американский политолог М. Линд отмечает: «Известный идеал либерального интернационализма – мирное глобальное сообщество суверенных самоуправляющихся народов, в котором великие державы не соперничают друг с другом в борьбе за сферы влияния, а сотрудничают во имя сохранения международного мира перед лицом угроз со стороны агрессивных государств и терроризма»[9]. М. Линд напоминает, что либерально-интернационалистское видение мирового порядка кодифицируется Уставом ООН, а потому либерал-интернационалисты склонны оценивать международную обстановку с точки зрения её соответствия международному, прежде всего, основоначальному праву. В работах интернационалистов достаточно часто звучат идеи о «концерте демократий», причём подчёркивается, что наиболее мощные державы должны создать демократический фронт не в пику международно-правовой основе международных отношений, а в целях её всестороннего укрепления.

Отношение либерал-интернационалистов к России весьма неоднозначно: с одной стороны, в концепции группы довольно много совпадений с положениями официальной российской внешнеполитической доктрины, особенно в части примата международного права и лидирующей роли ООН. Интернационалисты – одни из немногих, кто не стесняется критиковать американскую внешнюю политику, полагая, что США потеряли право считать себя моральным лидером демократического мира и их действия приводят к дальнейшему размыванию системы международного права. Среди ярких либерал-интернационалистов можно выде-

лить директора отдела внешнеполитического планирования Госдепартамента Анну Мари Слотер, политологов Эндрю Муравчика и Стивена Коэна.

На практике настоящие либерал-интернационалисты встречаются в политическом сообществе США нечасто. Ведь под строгим уважением принципов ООН подразумевается сознательное ограничение внешнеполитической мощи этой страны, чего ни один американский политик до последнего времени проповедовать бы не стал. Сейчас, после того как политика односторонних силовых мер завела Соединённые Штаты в тупик, на фоне глобального финансового и экономического кризиса можно прогнозировать определённый рост популярности либерально-интернационалистских школ. Назначение Анны Слотер на пост «внешнеполитического планировщика» – лишнее доказательство того, что у американских либералов есть шанс показать жизнеспособность своих идей.

По итогам первых внешнеполитических шагов администрации Обамы некоторые эксперты стали также говорить о формировании отдельной группы либерал-реалистов, которые, как считается, в наибольшей степени близки по мировоззрению к нынешнему президенту США. Либерал-реалисты – представители умеренного крыла либерального течения, провозглашающие традиционные для либерализма внешнеполитические ценности. При этом они считают, что основными инструментами для достижения цели должны быть прагматичный подход и умение договариваться даже с неудобными партнёрами.

Либеральным реалистом успел зарекомендовать себя действующий президент. С одной стороны, внешнеполитические установки Обамы наполнены типично либеральной начинкой, с другой – президент продемонстрировал готовность вести диалог с разными партнёрами (включая Иран и КНДР). Так стоит ли думать, что главу Белого дома можно записывать в лагерь либеральных реалистов? Как отмечает немецкий политолог П. Келлер, «Б. Обама позиционировал себя (во время президентской кампании. – *А.Т.*) в качестве либерального интернационалиста. Действительно, имена его советников и подходы самого президента показывают, что он редко отходит от этого курса. Международная обстановка, однако, разительно отличается от той, что была в 1990-е годы: Америка увязла в двух войнах, экономика нестабильна, появилась по меньшей мере одна страна, потенциально способная бросить вызов американскому превосходству (Китай. – *А.Т.*), моральный авторитет США подорван»[8]. П. Келлер также прогнозирует, что в связи с этим политика Б. Обамы будет отличаться от политики его предшественников по ряду аспектов. Среди них – осознание того, что Америка перестала быть единственным центром силы. Кроме того, борьба с международным терроризмом теперь вряд ли останется альфой и омегой американской внешней политики. Непростая обстановка в мире, необходимость восстанавливать авторитет Соединённых Штатов, искать союзников в решении насущных задач, никак с идеологией не связанных, подталкивают нынешнюю администрацию к необходимости вести диалог, договариваться. А чтобы договариваться – надо быть прагматиком.

Яркий пример тому – «курс на перезагрузку» отношений с Россией, готовность отставить в сторону характерную для либералов гуманитарную риторику, чтобы найти путь к договорённостям по наиболее болезненным вопросам, в частности замене истекающего в декабре 2009 г. Договора по СНВ.

Помимо президента другие представители группы либерал-реалистов – бывшие члены Конгресса Г. Харт и С. Нанн, известный политолог Р. Легволд, директор института Кеннана Б. Рубл.

Взаимосвязь рассмотренных групп внешнеполитического сообщества США может быть представлена в виде таблицы:

**Классификация внешнеполитических групп в США**

Идеалисты (В. Вильсон)	Либеральные интернационалисты (А. Слотер)	Либеральные интервенционисты Демократическая партия (М. Олбрайт) неоконсерваторы Республиканская партия (П. Вулфовиц)	Либеральные реалисты (Б. Обама)	Неореалисты (Г. Киссинджер)	Реалисты (Г. Моргантау)
---------------------------	--	--	------------------------------------	--------------------------------	----------------------------

В таблице представлены два традиционных полюса американской внешней политики. Безусловно, к идеалистам и реалистам в чистом виде в американском внешнеполитическом истеблишменте сегодня мало кого можно отнести; представителям всех без исключения политических течений приходится подстраивать свои идеи к реалиям современного мира. Вместе с тем все основные группы формируются при определённом смещении принципов реализма и идеализма.

### **Победа Б. Обамы: что дальше?**

Как отмечает в своей статье «США в поисках новой формулы отношений с Россией (обзор дискуссий)» П.Т. Подлесный[2], в последнее время стало появляться всё больше подробных обзоров и докладов по двусторонним связям. Приход новой администрации в США в значительной степени развил и узаконил тот перелом, который был необходим в российско-американских отношениях. Как представляется сейчас, победа Б. Обамы над Дж. Маккейном для России означала одно – проигрыш идеологов «нового сдерживания» и очевидная победа сторонников концепции «избирательного сотрудничества». Однако можно сказать, что в недрах новой администрации созрела идея «перезапуска» отношений с Россией, изменения их качественного уровня. Такое положение дел можно понять с точки зрения психологии политических контактов – ведь, чтобы перейти к полноценному сотрудничеству в отдельных областях, необходимо было кардинально изменить откровенно враждебную атмосферу недоверия и враждебности, царившую в российско-американском пространстве в последние годы при администрации Дж. Буша-младшего.

Что способствовало таким переменам? Сторонников налаживания отношений с Россией в новой администрации оказалось достаточно много. В отличие от команды Клинтона, при Обаме тон внешней политике задают не либерал-интервенционисты, а, скорее те, кого с определённой долей условности можно отнести к либеральным реалистам. В академической среде также преобладающим становится мнение о том, что российская политика Дж. Буша-мл. была ошибочной и невразумительной.

Стоит упомянуть ещё два события, которые ясно указали на необходимость «перезапуска». Первое из них – углубление мирового финансового кризиса, заставившее американский внешнеполитический истеблишмент, возможно, впервые взглянуть на международное сообщество и стоящие перед ним задачи сквозь призму многополярного сотрудничества. Соединённые Штаты

сейчас начинают многое переосмысливать – у американцев есть шанс по-новому взглянуть на другие страны. Важность взаимодействия с Россией в борьбе с экономическим кризисом стала ещё одной монетой в копилку сторонников «примирения». Второе ключевое событие – российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. Этот во многом неожиданный для США кризис привёл к значительному психологическому перелому в политическом истеблишменте. Впервые за долгие годы Россия дала жёсткий ответ на откровенно недружественный демарш страны, находящейся под американским зонтиком. Американские политологи вдруг осознали, что у Белого дома больше нет рычагов управления российской политикой, так как любое действие США с целью «наказать» Россию грозит стать палкой о двух концах – касается ли это регионального, экономического или военно-политического инструментария. Такое осознание подталкивает США к тому, чтобы вновь увидеть в России не младшего брата, которого нужно обучать демократии, а полноценного партнёра, переговоры с которым объективно необходимы для достижения общих целей.

\* \* \*

Политический имидж России в США никогда не был особо привлекателен. Его конкретные черты могли вызывать страх и подозрительность в советский период, надменную пренебрежительность в начале 1990-х годов. Смысл здесь один – Россия практически никогда не воспринималась как важный, заслуживающий уважения партнёр, помощью которого можно и нужно было бы воспользоваться при решении насущных проблем международной повестки дня. Подозрительность в отношении России, зачастую выливающаяся в желание под микроскопом рассматривать её шаги на внешнеполитической арене, до сих пор присутствует в умах американских политиков. К сожалению, мало что указывает на то, что такой подход перестанет в ближайшее время быть обязательным ингредиентом американской политики в отношении России. Вместе с тем, определённые позитивные сдвиги всё же имеются. Впервые со времени окончания «холодной войны» во внешнеполитическом истеблишменте США начинают набирать силу наиболее прагматичные группы политиков и политологов. Это означает, что России необходимо выработать активную, конструктивную и, что очень важно для американцев, последовательную внешнюю политику. Так появится позитив в российско-американских отношениях, что преумножит число адвокатов в пользу мирного развития.

### Список литературы

1. *Межуев Б.В.* Раздел наследства: Рейган и консервативное движение Америки (<http://www.russ.ru/pole/razdel-nasledstva-Rejgan-i-konservativnoe-dvizhenie-Ameriki>).
2. *Подлесный П.Т.* США в поисках новой формулы отношений с Россией / США ❖ Канада. 2008. № 9. С. 37–52.
3. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН. 2002.
4. *Callahan D.* Between Two Worlds. New York. 1994.
5. *Graham Th.* U.S. – Russia: Facing Reality Pragmatically. Center for Strategic and International Studies. July 2008 (<http://www.csis.org>).
6. *Haass R.* War of Necessity War of Choice. New York. 2009.
7. *Hart G., Simes D.* The Road to Moscow // The National Interest. May-June 2009.
8. *Keller P.* Revitalizing NATO: Obama's Neglected Challenge? // American Foreign Policy Interests. March – April 2009.
9. *Lind M.* For Liberal Internationalism// The Nation. 14.07.2007
10. The Los Angeles Times. 12.07.2009.